

Г.Г. Водолазов

д.филос.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений, вице-президент Академии политической науки

ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОДА ЖИВАЯ И МЕРТВАЯ (ЧАСТЬ II. «МЕРТВАЯ ВОДА» ЭПОХИ НЭПА)

Аннотация. Ленин, подводя итоги уроков Октябрьской революции и первых лет послеоктябрьского развития, констатировал: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Так был поставлен вопрос о необходимости создания теории обновленного социализма, соответствующего условиям XX столетия. Теории, которая решала бы задачу: как, выводя общества из тупиков капитализма, не ввергнуть его в другие тупики – тупики авторитарно-бюрократической системы. В этой связи анализируется сделанный Лениным вклад в теорию обновленного социализма. Ставится далее вопрос: что из ленинского наследия может быть включено («живая вода») в современную социально-преобразовательную теорию (об этом – в первой части статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала), что отброшено («мертвая вода») и чем оно может быть дополнено, исходя из реалий XXI столетия.

Ключевые слова: Октябрьская революция, военный коммунизм, нэп, социализм, плюрализм.

JEL: B14, B24.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10303

Тот Ленин, который в высшей степени актуален сегодня, писали мы в первой части статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала, начинается с утверждения: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 376; (6 января 1923 г., статья «О кооперации»)]. Именно здесь, в этом тезисе, был главный итог его размышлений, анализирующих практику Октября и первых лет послеоктябрьского развития. И Ленин сам приступил к этому «коренному» пересмотру, положив начало новой теории общественного развития, новой концепции общественного строя, идущего на смену капитализму. Это были поистине грандиозные идеи, переворачивающие все прежние представления социалистов. Это был, действительно, «коренной пересмотр» всех прежних представлений о будущем строе, о социализме и о путях к нему. И эти идеи, подчеркивали мы, должны вернуться к нам сегодня. В них ключ к пониманию противоречий современной социальной реальности, к ответам на драматические вызовы нашего времени.

В чем же ценность завещаний Владимира Ильича? Что мы могли бы взять у него сегодня? Что им было недорешено? Где он ошибался? И какие коррективы и дополнения следует внести в его теоретико-политическое Завещание?

В первой части нашей статьи шла речь о животворных идеях («живой воде») ленинского наследия, во многом связанных с его теорией новой экономической политики.

Разработанная Лениным концепция нэпа была, можно сказать, «живой водой» для умиравшей экономики страны. Нэп, действительно, оживил ее. Но в нэповской «реке»

текла не только «живая», но и «мертвая» вода, существенно снижавшая качество и живительную силу воды «живой». Об этой «мертвой воде» ленинских идей эпохи нэпа и пойдет, главным образом, разговор в этой, второй части, нашей статье.

Ленин не смог (или не успел?) избавить нэповское течение от этой «мертвой воды». О чем идет речь?

Дело в том, что нэп был плюралистической экономической демократией (пространством соревнования, сотрудничества и соперничества разных укладов и экономических тенденций). Но эта нэповская демократия все время натывалась на недемократические политические стены. Политическая система страны в эпоху нэпа оставалась практически неизменной со времен военного коммунизма: «диктатура пролетариата», однопартийность, приоритет революционной целесообразности по отношению к праву, жесткий централизм. Экономическая демократия не могла нормально функционировать и реализовывать свой социальный потенциал в условиях политической диктатуры.

Великий политический диагностик, Ленин хорошо различал симптомы этой социальной болезни. «Наш аппарат», писал он, «ровно никуда не годится, нужна переделка нашего аппарата» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 376]. Он весь пропитан бюрократизмом, «комчванством», он оторван от масс. «Коммунисты стали бюрократами» [Ленин, 1967–1975. Т. 54. С. 180]. В обыденном сознании «бюрократизм» обычно не рассматривается как какое-то масштабное и очень опасное социальное зло. Ну, это – волокита, культ бумажки (за которой не прослеживается человек). В действительности бюрократизм – это особый тип политического режима. Антинародного. Бюрократизм – это неподконтрольность власти чиновников народу. Мотивы и характер их деятельности тщательно скрывается от граждан. «Всеобщий дух бюрократии, – писал Маркс, – есть тайна, таинство... соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде иерархией организаций, а по отношению к внешнему миру – ее замкнутым, корпоративным характером» [Маркс, 1955, Т. 1. С. 272]. Бюрократу абсолютно безразлично народное мнение. Он знает: не от народного мнения зависит его жизнь и карьера, а от благосклонности его начальника. Отсюда – высокомерие, пренебрежительность по отношению к нижестоящим и угодничество, лизоблюдство по отношению к стоящим выше. Российское чиновничество, однажды заметил знаменитый народнический публицист Михайловский, подобно лестнице: если смотреть на нее снизу вверх – восходящая лестница господ, если смотреть на нее сверху вниз – нисходящая лестница лакеев. Барин и холуй одновременно!

Бюрократизм – это система беспрекословного подчинения высшему политическому Авторитету. «Авторитет есть... принцип ее (бюрократии – Г.В.) знания и обоготворение авторитета есть ее образ мыслей» [Маркс, 1955. Т. 1. С. 243]. Бюрократизм – это система, замешанная на политическом насилии, произволе и волюнтаризме. «Бюрократия хочет все сотворить...она возводит волю в cause prima(в первопричину). Для бюрократа мир – просто объект его деятельности» [Маркс, 1955. Т. 1. С. 243]. И отсюда – грозное ленинское пророчество относительно опасности бюрократизма: «Если что нас погубит, то это» [Ленин, 1967–1975. Т. 54. С. 180], потому что «самый худший у нас внутренний враг – бюрократ», и «от этого врага мы должны очиститься» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 15].

Ленин видел эту зловещую цепочку становления авторитарно-бюрократической системы: диктатура пролетариата перерастает (в силу малочисленности и деклассированности российского пролетариата) в диктатуру партии, та, в свою очередь, – в диктатуру ЦК, диктатура ЦК – в диктатуру Политбюро, и, наконец, на вершине этой диктаторской вертикали – непререкаемый Авторитет, вождь-диктатор. Конечно, эта цепочка не будет чересчур зловещей, если таким Авторитетом будет человек интеллигентный, не сгораемый честолюбием, не упивающийся своей огромной властью, умеющий ею цивилизованно, в интересах общества, пользоваться. Ну, например, такой, как Ленин, Луначарский, Чичерин. А если это будет человек вроде Берии, Ежова, Вышинского, Сталина, наконец?..

Нельзя, чтобы судьба страны и населяющих ее людей столь капитально, столь абсолютно зависела от психических особенностей и интеллектуального склада руководящей личности. Это для общества чревато страшными бедами.

Ленин, повторяю, видел эту чрезвычайно опасную, душашую инициативу масс, социальную болезнь – бюрократизм (которая сродни раковой опухоли). И самоотверженно искал от нее эффективных лекарств. «Я советовал бы очень предпринять ...ряд перемен в нашем политическом строе, – взволнованно писал он в «Письме» к XII съезду партии. – Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 343].

К чему сводился этот предлагаемый Лениным «ряд перемен» (о которых он написал не только в «Письме к съезду», но и в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше»)?

Реорганизовать Рабкрин (рабоче-крестьянскую инспекцию, орган *государственного* контроля) – в целях «улучшения» работы госаппарата. Это – против бюрократизации госаппарата.

Увеличить число членов ЦКК (Центральная контрольная комиссия, орган *партийного* контроля). Против бюрократизации партийного аппарата. Рабкрин, объединенный с ЦКК, должен стать органом, не допускающим сосредоточение власти в партии и государстве в одних руках.

Увеличить число членов ЦК партии. Фактор большей устойчивости, снижающий возможность раскола.

Сместить Сталина с поста Генерального секретаря ЦК.

Насколько эффективными оказались эти предложения? Что показала практика?

О реорганизации Рабкрин (РКИ). Разговор об этом начинается пафосно: «Вот о каких высоких задачах мечтаю я...» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 406]. Редко, очень редко окрашивает Ленин свои мысли в такие эмоционально насыщенные тона. Видимо, побуждают к этому и «высота» задач, и опасность ситуации: нужно приложить все силы, чтобы спасти страну от бюрократического спрута, удушающего общество, спасти как можно скорее, иначе – гибель.

О каких же «высоких задачах» мечтает Владимир Ильич?

«Я планирую, – пишет он, – ...слияние авторитетнейшей партийной верхушки с «рядовым» наркоматом» [Ленин. Т. 45: 406]. «Авторитетнейшая партийная верхушка» – это ЦКК (Центральная контрольная комиссия партии). «Рядовой» наркомат – это Рабкрин (Рабоче-крестьянская инспекция).

В чем смысл такого «слияния» и что ждет от него Ленин?

Ленин видит в этом слиянии важный инструмент дебюрократизации, демократизации государственной и партийной системы. Ведь, бюрократизм, как мы уже писали, это – власть, неподконтрольная народу. Значит, если желать преодолеть бюрократизм, надо поставить власть (и в государстве, и в партии) *под контроль* – такова основная ленинская идея. Что нужно для этого сделать?

Во-первых, объединить («слить») два контрольных органа: партийный (ЦКК) и государственный (Рабкрин). Рабкрин, контролируя работу госаппарата, будет иметь возможность опереться на авторитет и полномочия высшего партийного органа – ЦКК, а ЦКК обретет дополнительную силу, опираясь на стоящие за Рабкрином массы рабочих и крестьян.

И, во-вторых, организационно, кадрово укрепить обе контрольные структуры: увеличить число членов ЦКК¹, а разбухший аппарат Рабкрин свести до 300–400 служащих.

¹ «Я предлагаю съезду выбрать 75–100 (цифры все, конечно, примерные) новых членов ЦКК из рабочих и крестьян» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 384].

В эту новую структуру должны войти «лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести», которые бы «не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезной поставленной цели» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 391–392].

Вот так. Собрать несколько сотен таких замечательных людей и наделить их высокими контрольными функциями! И будут они контролировать и ЦК партии, и Политбюро: будут «присутствовать на Политбюро и проверять все документы, ...практически участвовать в контроле и улучшении нашего госаппарата, начиная с высших государственных учреждений и кончая нижними местными и т.д.» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 386]. В результате в нашем ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизится опасность раскола» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 387].

Члены этой новой организации «должны составить сплоченную группу, которая, «невзирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека (вот и Сталина возьмут под контроль! – Г.В.), ни кого-либо из других членов ЦК (наркома Троцкого, руководителя питерских коммунистов Зиновьева и московских – Каменева! – Г.В.) не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел» [Ленин, т. 45. С. 387]. Увы, красивая утопия в стиле Фурье!

Кто будет подбирать несколько сотен этих прекрасных контролеров высшей власти? «Служащих Рабкрин мы (кто это «мы»? – по-видимому руководители партии. – Г.В.) должны подбирать совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания (кто их будет «испытывать»? – ну, конечно, высшее партийное руководство, кто же еще! – Г.В.)... Рабочие, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК, должны быть безупречны, как коммунисты (кто это будет определять? – по-видимому, высшие партийные инстанции, которые потом и будут контролироваться подобранными ими людьми. – Г.В.)» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 393].

Ну, и что показала практика? Ну, подобрали высшие партийные руководители (во главе с генсеком Сталиным) несколько сотен людей для новой организации (положив им, по совету Ленина, высокие оклады – в целях их «независимости»), поставили во главе верного сталинского оруженосца – Куйбышева (того самого, кто высказал предложение напечатать статью Ленина в одном экземпляре «Правды» – пытался самого Ленина цензуре подвергнуть!). И начала эта новая организация «контролировать». Кого? Сталина (тщательно подбиравшего ее членов)? Предохранила она Политбюро от раскола? Да нет, катастрофически этот раскол ускорила, став дубинкой в руках формировавшего ее Сталина. С ее помощью товарищ Сталин хорошо «проконтролировал» своих соперников из Политбюро – Троцкого (исключил из партии и вышвырнул из страны), Зиновьева и Каменева (исключил из партии, арестовал, а после нашел предлог, чтобы расстрелять)... А XII съезд, к которому с такой надеждой обращался Ленин, вопрос о Рабкрине даже не внес в повестку дня и никаких намеченных Лениным полномочий ЦКК не предоставил (и не стал ЦКК органом, равноправным ЦК). Вот и вся история с реорганизацией Рабкрин и ЦКК. Не об этом «мечтал» Владимир Ильич!

Хотя нельзя тут не обратить внимание на любопытную особенность ленинских мыслей относительно реорганизации Рабкрин-ЦКК: в них туманно, едва-едва, но просвечивает идея создания как бы второго центра власти, ограничивающего всевластие и всемогущество первого центра (ЦК, Политбюро) и получающего право контроля над ним (некий намек на двухпартийность). Так, может, и стоило получше, поосновательнее прописать эту идею и довести ее до логического конца в теории и до реализации ее на практике?

И, может, потянула бы эта идея за собой другие, еще более радикальные?

И, может, пришел бы тогда Владимир Ильич к констатации того, что вообще «диктатура пролетариата» (которой, хотя и менее уверенно, но все же держался он до последних дней) не может быть политической системой нового, основанного на нэпе, социалистического общества. Ведь нэп усиливал многообразие и разнообразие интересов социальных сил в обществе. И задача, следовательно, была – находить эффективные способы согласования интересов этих различных социальных слоев, групп, классов. А это возможно только если эти различные социальные силы будут иметь своих политических представителей, политические организации, формулирующие и защищающие эти интересы. Придется, как следует, продумать и механизмы согласования интересов, способы реализации согласованных ими программ действия. Это могут быть только *демократические* механизмы и способы. «Диктатура» таких механизмов не имеет. В ней доминирует «механизм подавления» – всех, кто не согласен с навязываемой обществу «генеральной линии» правящей партии.

Значит? Значит, следовало бы, по-видимому, «коренным образом» пересмотреть «всю точку зрения» не только на *экономическую* систему социализма, но и на «*диктатуру пролетариата*», на всю политическую систему, сложившуюся в период «военного коммунизма». Нужна была, иначе говоря, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП) Новая Политическая Политика (НПП)! А не просто «ряд изменений» в политическом строе. «Новая политическая политика», которая совершенно исключала бы слова: «диктатура», «революционная целесообразность» и которая была бы теорией Новой Демократии и Правового Государства. Я представляю, насколько сложно было в тех, драматических, условиях 20-х годов придти к мысли о необходимости Демократии (вместо Диктатуры), насколько сложно было разработать концепцию Демократии применительно к российским условиям той поры и тем более воплотить ее в жизнь. И все же следовало бы, наверное, поискать приемлемые демократические формы, испробовать разные варианты, пусть иногда и рискованные.

Почему бы, в рамках Новой политической политики, не дать, например, возможность вернуться из эмиграции и появиться на политической арене страны конкурирующим с большевиками другим социалистическим партиям – меньшевикам и эсерам? Боялись, что их деятельность, их критика большевистской стратегии поколеблет советскую власть? Но, ведь, не побоялись же дать простор (пусть с определенными ограничениями) капитализму (оппоненту для большевиков более опасному, чем оппозиционные социалистические партии). А чего же так бояться социалистов других направлений? Ну, ограничились бы их возможности, как смогли ограничить капитализм. Ввели бы какие-то «правила игры». Исключили бы из этого возможного союза те фракции этих партий, которые стояли на почве *вооруженной борьбы* с Советской властью. Нелогично: не бояться капитализма и бояться социалистических партий, выступающих за мирную, демократическую конкуренцию и принимающих идеи нэпа.

Да, и знаменитый «философский пароход», в условиях Новой политической политики, можно было бы не снаряжать. Зачем выталкивать из страны несколько сотен талантливых, всемирно известных представителей русской интеллигенции? Многие из них были критически настроены к советской власти и большевикам? А капиталисты, которых допустили к сотрудничеству в условиях нэпа – они, что, были менее критичны? Но ведь допустили же. И устами большевистского вождя провозгласили: учиться у них хозяйствованию. А у той, отправленной за рубеж, интеллигенции нечему было поучиться? Провозгласили необходимость «культурной революции» – и цвет русской культуры выбросили за рубеж...

Может быть, стоило прислушаться к советам Розы Люксембург: «Историческая задача пролетариата, когда он приходит к власти, – создать вместо буржуазной демократии социалистическую демократию, а не упразднить всякую демократию» [Люксембург, 1991. С. 331];

«Совершенно очевиден, неоспорим тот факт, что без свободной, неограниченной прессы, без беспрепятственной жизни союзов и собраний совершенно немыслимо именно господство широких народных масс» [Люксембург, 1991. С. 326–327];

«Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии – сколь бы многочисленными они ни были – это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией» [Люксембург, 1991. С. 331].

Еще раз: экономическая демократия нэпа нуждалась в помощи политической демократии. Фундаментальная экономическая реформа нэпа нуждалась в дополнении ее фундаментальной же политической реформой. Предложенный Лениным «ряд политических изменений», шедших в общем и в целом в направлении демократизации общественного строя, эту фундаментальную задачу, однако, не решал.

Мы уже писали о провале идеи реорганизации Рабкрин и ЦКК как средства борьбы с бюрократической системой. Также не привело к ожидаемому результату и другое ленинское предложение – об увеличении числа членов ЦК, как средства ограничения всевластия партийной верхушки, избежания раскола и условия «обучения цекистской работе» более широкого круга партийцев².

Ну, выполнили завет Владимира Ильича. Увеличили количество членов ЦК. И что с «расколом»? Да, этим только ужесточили и ускорили его. Подбирал-то новых членов Центрального Комитета секретариат ЦК. А генеральным секретарем был товарищ Сталин. Всем были обязаны ему новые члены ЦК. И этот, расширенный состав ЦК вместо того чтобы, по-ленински, обеспечивать коллективность руководства и предотвращать раскол, быстро и жестко, по-сталински, разобрался с соперниками Иосифа Виссарионовича. И с успехом прошел у Сталина курс «обучения цекистской работе»: научился оратор с места, затыкая рот неугодным Сталину ораторам (в том числе вдове Ленина, Надежде Константиновне Крупской, посмевавшей робко перечить новому вождю).

Ну, и, наконец, – о предложении сместить с поста генсека Иосифа Сталина – человека, который «сосредоточил в своих руках необъятную власть» и который, по мнению Ленина, вряд ли сумеет «достаточно осторожно пользоваться этой властью» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 345]. Снова Ленин загодя чувствует возможную опасность для общества, исходящую от этого человека. Но давайте поосновательнее вчитаемся в его «Письмо к съезду» и последим за аргументацией Ленина, касающейся необходимости отстранения Сталина от высокого поста, – насколько она убедительна.

Ленин делает акцент на грубости Сталина: «Сталин слишком груб... Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью, но с точки зрения предохранения от раскола... это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 346]. Замечания эти, конечно, важны. Но здесь все же нет главного: не показано, в какие чудовищные последствия может вылиться это соединение «необъятной власти» и то, что Ленин деликатно назвал «грубостью». Здесь нет ясно и четко выраженного предостережения партии и народу по поводу этого политика.

Более того, Ленин называет Сталина (наряду с Троцким) «выдающимся вождем современного ЦК» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 346]. Но «выдающийся вождь» – «груб», поэтому сместите его с поста генсека. На чашах весов – две характеристики, данных Лениным Сталину: на одной – «выдающийся вождь», на другой – «грубость». Ну, разве какая-то там

² «Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по-моему, двоякой или даже тройкой цели: чем больше будет членов ЦК, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности. Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшать наш аппарат, который из рук вон плох» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 346–347].

«грубость» может перевесить чашу с «выдающимся вождем»? И кто, скажите, не бывал «груб» в то сложное и «грубое» время? Да и сам Владимир Ильич пишет, «грубость» – это «недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 346].

Дальше – больше. Ленин предлагает на место генсека назначить другого человека, который отличался бы «от тов. Сталина только одним (! – Г.В.) перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 346].

Начинаем искать такого человека среди руководителей партии. Зиновьев и Каменев? Но в том же письме Ленин счел нужным напомнить, что «не является случайностью» «октябрьский эпизод» этих двух вождей (когда они выступили против восстания, сообщили об этом в открытой печати, выдав секретное решение ЦК). Струсил. Предал. Все же помнят, что сам Ленин назвал их штрейкбрехерами, которых больше «товарищами» не считает, и потребовал исключения их из партии. А Сталин-то, хоть и был не слишком замечен в Октябрьские дни, но все же не струсил, не предал. Куда же Зиновьеву с Каменевым соперничать со Сталиным?

Бухарин? Да, по ленинской характеристике, «самый выдающийся» «из молодых», «ценнейший и крупнейший теоретик», «любимец всей партии». И тут же: «но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 345]. Ну, и куда же ему, «не вполне марксисту», человеку, не вполне понимавшему диалектику, соревноваться с генсеком (который всего лишь «груб»)?

Наконец, Лев Давидович Троцкий. Может он? Да, «выдающихся способностей» человек и «пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 345]. Но тут же, как бы между прочим, Ленин напоминает о прошлом «небольшевизме» Троцкого (что, впрочем, смягчает он свою констатацию, не надо ставить ему «в вину лично»). Ну, хорошо, в вину ставить не будем. Но все же зачем-то упомянул Ленин это обстоятельство. А Сталин был большевиком всегда, неколебимым и твердым. Нет, и Троцкий, стало быть, ему не соперник.

В общем, как это ни больно признавать (ибо, конечно, Ленин и Сталин – антиподы и в политическом, и человеческом плане), но, объективно, своим «Письмом к съезду» Владимир Ильич не только не дезавуировал Сталина, но, скорее, поднял его над всеми другими вождями (субъективно, думаю, этого не желая). И вот то, что Ленин слишком поздно разглядел громадную опасность для народа и дела социализма, исходящую от Сталина, то, что он не нашел весомых, убедительных аргументов в пользу его смещения с одного из самых высоких постов в партии – за это Владимир Ильич несет серьезную историческую ответственность.

Тем более случались поводы, когда обладающий непререкаемым авторитетом Ленин мог в одночасье сместить Сталина. Ну, хотя бы за его позицию в вопросах так называемой «автономизации», за поддержку поведения Орджоникидзе в так называемом «грузинском инциденте». «Если дело дошло до того, – писал Ленин, – что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия (к полемизировавшим с ним грузинским коммунистом – Г.В.)..., то можно представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 356], «я думаю, тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» [Ленин. Т. 45. С. 357]. И далее, особенно остро и резко – с прозрачными намеками на Сталина и Орджоникидзе: «Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется

обвинением в национал-социализме (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым русским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности...» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 360]. Ну, и почему же такого «грузина» терпеть на высоком руководящем посту?

Или другой эпизод, о котором рассказано в записках Марии Ильиничны Ульяновой: «...узнав о болезни Мартова, В.И. просил Сталина послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», – сказал ему Ст(алин). В.И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Ст(алина)». «Расстроен», «рассержен»? А почему бы не выполнить хамское и наглое предложение товарища Сталина – взять, да и поискать вместо него другого секретаря? Если бы можно было хоть немного, но переиграть историю...

В общем предложенные Лениным «перемены в нашем политическом строе» результата не дали. Строй не изменили, не предотвратили нашу страну от вползания в тоталитарную сталинскую казарму.

Еще раз: нужен был не просто «ряд изменений» в политическом строе. Нужна была, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП), Новая Политическая Политика (НПП), которая совершенно исключала бы слова: «диктатура», «революционная целесообразность» и которая была бы теорией Новой Демократии и Правового Государства. И снова – Роза Люксембург: «Единственный путь к возрождению: школа самой общественной жизни, *неограниченная широчайшая демократия* (курсив мой. – Г.В.)» [Люксембург, 1991. С. 330];

Сопутствовавшая демократическому нэпу авторитарная политическая система и была той «мертвой водой», от которой нужно уберечь программу и стратегию современного социализма.

* * *

Эта, усваивавшая уроки прошлого стратегия (для России), по-видимому, должна сегодня выглядеть так:

Общественная собственность + частная
Социализм + капитализм (исключая олигархат)
План + рынок
Национальная экономика + зарубежные Концессии
+ Кооперация
+ Широкая политическая Демократия
То есть: НЭП + НПП

И несколько важных добавлений к этому. Современная социально-преобразовательная стратегия невозможна без решения вопроса о роли нравственности в революционном (или шире – в политическом) процессе. Ленинские установки на сей счет были подчас весьма неудачны, или, скажем мягче, весьма неосторожны. Они как раз из разряда той «мертвой воды», от которой мы хотели бы уберечь теорию современного социализма. Критический анализ этих установок тем более необходим, что именно их (предельно, впрочем, огрубляя и доводя до абсурда) брала на вооружение сталинская команда.

Приступая к критическому анализу этих ленинских установок, я хотел бы сказать несколько слов о своеобразии этой критики.

Сейчас развелось много мудрецов, которые, надев домашний халат и комнатные тапочки, удобно устроившись у мягко светящей настольной лампы, начинают «вершить историю», повелевая давно ушедшими в небытие классами и политическими партиями, просвещая политических лидеров далекого прошлого, вынося им оценки за поведение, а то и привлекая чуть ли не к юридическому суду. И кажутся они себе в эти моменты значительными политическими персонами, чуть ли не всемирно-исторического масштаба, запросто

встающими «на равных», в один ряд, с Марксом, Энгельсом, Лениным, Чернышевским. Да даже не «на равных», а выше, значительно выше их, вечно «ошибавшихся», вечно говоривших и делавших что-то «не то».

Я хотел бы избежать такой интонации. Я бы хотел не поучать великих деятелей прошлого, а учиться у них, учиться на их достижениях и ошибках (выявляемых ходом истории). Я хотел бы относиться к «ошибкам» Владимира Ильича примерно так, как он сам относился, например, к «ошибкам» бесконечно ценимой им Розы Люксембург. «Мы, – писал он в своих знаменитых «Заметках публициста», – ответим на это (на попытки некоторых политиков скомпрометировать Розу отдельными ее ошибками – Г.В.) двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург... несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и *полное* собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира» [Ленин, 1967–1975. Т. 44. С. 421–422].

Жалки современные «куры», кудахтающие о «фундаментальных провалах» ленинской стратегии, не способные подняться до орлиного полета ленинской мысли. Я же всего лишь констатирую, что, в силу разных причин, «орлиный полет» Владимира Ильича иногда вдруг снижался и давал сбой. Вот об этих «иногда», о некоторых неудачных, неосторожных (способных обернуться большой бедой) его формулировках я и хочу сказать здесь несколько слов.

Итак, какие же «неудачные» формулировки Ленина имею я в виду?

Первая: в «марксизме... нет ни грана этики» [Ленин, 1967–1975. Т. 1. С. 440–441]. Вообще-то это сказал Зомбарт. Но Ленин принял и решительно поддержал этот тезис. Сталинцам очень нравилась такая освященная Лениным установка. Никаких этически сдерживающих политическое действие факторов не существует, во имя намеченных целей «все позволено» – так они трактовали ленинскую мысль, так они вершили свои дела на практике. Это было, конечно, страшное упрощение, огрубление ленинской мысли, доведение ее до абсолютного макиавеллизма. У Ленина она имеет другой подтекст, а именно: *только* нравственная проповедь не способна поколебать (а тем более устранить) буржуазный, антинародный режим. Нужна организованная *политическая* борьба угнетенных и эксплуатируемых классов – в ней главный залог успеха. Но сформулирована эта, в принципе верная, мысль очень неудачно, что и облегчало сталинцам трактовать ее в макиавеллистском смысле, приспособлявая ее к своему диктаторскому, тоталитарному режиму.

В таких принципиальных, важных формулировках не должно быть никаких двусмысленностей, должна быть совершенно исключена возможность их интерпретации в макиавеллистско-сталинском духе. Должно быть ясно подчеркнуто, что марксизм – есть учение не за границами этики, а, напротив, – сама Этика, что марксизм, в сути своей, учение этическое, нравственное. Именно на это указывает сформулированная Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» главная цель социалистического общества: всестороннее и универсальное развитие «прекрасной индивидуальности», «свободное развитие каждого есть условие развития всех». Об этом – Маркс в Манифесте первого Интернационала: «добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами». [Маркс, 1960. Т. 16. С. 11]. Наконец, совершенно недвусмысленное определение Марксом сути своего учения: «Реальный гуманизм!» [Маркс, 1955. Т. 2. С. 7, 139, 146].

И другой ленинский тезис: «Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество» [Ленин, 1967–1975. Т. 41. С. 311]. Или, как обычно, в краткой

форме излагают суть этой ленинской мысли: «Нравственно все то, что служит созиданию «нового общества» (коммунизму, социализму...)).»

Заметим, во-первых, что здесь Ленин признает-таки существование нравственности в марксизме (вот вам и «ни грамма этики!»). И при этом совершенно справедливо указывает, что нравственность эта должна быть связана с созиданием «нового» (социалистического) общества. Но вот характер этой связи формулируется Лениным неудачно («неосторожно») – что позволяет интерпретировать его в макиавеллистско-сталинистском духе: «Все, что приближает нас к желанной цели (коммунизму, социализму, как мы их понимаем) – все допустимо, все позволено, все нравственно (цель оправдывает любые средства!)».

Надо бы поменять местами части этой формулы. И тогда она примет такой вид: «Все, что нравственно, – служит будущему «совершенному», «новому» строю («коммунизму», «социализму»). То есть не приближением к «совершенному» строю (на разные лады понимаемому) оценивать нравственность действий, а нравственностью оценивать – к «совершенному» ли строю движемся или в какую-то другую сторону. Еще раз: «Все, что нравственно, то служит «социализму» (понимаемому как демократическое и гуманное «новое общество»). Не нравственность подчинять социализму, а социализм - нравственности!»

«Неудачность», «неосторожность» формулировок я также связываю с тем, что в них политиком не всегда учитывается уровень политической (да и общей) культуры людей, к которым он обращается с тем или иным лозунгом. Опасно в неразвитое политическое сознание вносить идеи и лозунги, которые это сознание не способно адекватно интерпретировать, которые допускают возможность их превратного толкования. К сожалению, таковы ленинские формулировки, касающиеся соотношения марксизма и демократии, политики и морали, нравственности и социализма.

К такого рода неудачным формулировкам я бы отнес и ленинское определение новой революционной государственности («диктатуры пролетариата»): «власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» [Ленин, 1967–1975. Т. 37. С. 245], исходящая в своей деятельности из «революционной целесообразности». Такое определение в сознании угнетенных (и в силу этого радикально, революционно настроенных, но политически «темных») людей, которых было немало в народных низах, однозначно будет истолковано, как оправдание полного и абсолютного произвола: если «никаких законов» нет, значит «все позволено» и можно делать все, что будет нами сочтено «революционной целесообразностью».

Тут – с учетом неразвитого сознания значительной части революционной массы – нужна другая формулировка содержания и задач «новой государственности». Да, новая государственность не может опираться на прежние законы. Она, действительно, не связана никакими законами ... *прежней* государственности. Но у нее должны быть свои, новые, законы, в рамках которых она и будет действовать. Да, поскольку новая государственность пробивает себе дорогу с помощью революционного насилия, то она не может не применять насильственные методы («непосредственное насилие!»). Но у этого насилия тоже должны быть свои нормы, принципы, пределы, ограничения – дабы оно не превратилось в абсолютный произвол. И эти принципы, нормы, пределы, ограничения должна установить новая, революционная государственность. Да, эти принципы будут ставить во главу угла «революционную целесообразность». Но содержание этой «целесообразности» тоже должно определяться не произвольными решениями того или другого политика (которые могут быть эмоциональными, субъективными, наносящими вред революционным преобразованиям), а тщательно продуманными, взвешенными, демократически обсужденными решениями институтов этой самой «новой государственности». И, следовательно, нужно искать формулировки и лозунги, которые отражали бы всю *сложность* задач, стоящих перед революционным народом. Иначе добрые намерения обернутся Большой Бедой.

Итожим: ленинские определения соотношения нравственности и революции, политики и морали, содержания «новой государственности» следует отнести к тому, что мы назвали «мертвой водой», и потому они не могут и не должны входить в состав современных социально-преобразовательных теорий.

И еще одна струя «мертвой воды» в большевизме: обожествление партии и ее решений. Вы только посмотрите, что говорят и пишут виднейшие соратники Ленина, которых Владимир Ильич прочил в «наследники». Это же невозможно читать!

Лев Давидович Троцкий (в мае 1924 г., на XIII съезде партии): «Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату... Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала» [XIII съезд, 1963. С. 158]. Вот так готовился править Лев Давидович. Товарищ Сталин подписался бы тут под каждым словом!

Николай Иванович Бухарин («ценнейший и крупнейший, теоретик партии», по известной характеристике Ленина): «Дискуссия недопустима потому, что она расшатывает самую основу диктатуры пролетариата, единство нашей партии и ее господствующее положение в стране, что она льет воду на мельницу групп и группировочек, жаждущих политической демократии» [Геллер, Некрич, 1995. С. 217]. (О, какое страшное преступление – «жажда демократии»!). Джугашвили, готовя впоследствии кровавую расправу над Бухариным, хорошо воспользовался этими сентенциями «крупнейшего теоретика».

Лев Борисович Каменев (дублируя Троцкого): «Целиком и полностью подчиниться партии. Мы избираем этот путь, ибо глубоко уверены, что правильная ленинская политика может восторжествовать только в нашей партии и только через нее, а не вне партии, вопреки ей» [Геллер, Некрич, 1995 С. 202].

И соглашаясь с ними, практик, «выдающийся менеджер» Сталин ставил борьбу с инакомыслящими «группировочками» внутри партии на почву практической политики, переходя от слов к делу: «Да, мы их арестовываем и будем арестовывать... Говорят, что история нашей партии не знает таких примеров. Это неправда. А группа Мясникова? А группа «рабочей правды»? Кому не известно, что члены этих групп арестовывались при прямой поддержке со стороны Зиновьева, Троцкого и Каменева?» [Геллер, Некрич, 1995. С. 203]. Известно, конечно, известно, очень хорошо известно!

Вставить бы товарищу Сталину в компанию этой троицы еще Алексея Ивановича Рыкова с его самодовольно-победительной репликой по адресу инакомыслящих в заключительной речи на XV съезде партии: «Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить» [Геллер, Некрич, 1995. С. 202]. Какая изящная ирония! И, конечно, под «бурные аплодисменты». Бедный, несчастный, недалевидный, через десяток с небольшим лет расстрелянный за инакомыслие Алексей Иванович!..

Справедливости ради следует сказать, что скоро, очень скоро эти товарищи (за исключением, разумеется, Сталина) поняли всю чудовищность этих своих высказываний и начали борьбу за демократическую атмосферу в партии, но поняли слишком поздно, когда исправить уже было ничего нельзя.

Ну, это все же только «соратники» Ленина. У самого Владимира Ильича таких крайних высказываний не найдете. Но все же где-то близко к этому позиция, занятая им на X съезде по вопросу о «Единстве партии».

«О единстве партии» – так называлась резолюция X съезда, активно защищавшаяся Лениным. В чем тут проблема?

Да, партия большевиков после Октябрьской революции была доминирующей политической структурой в России. Она завоевала право определять пути развития страны. Это бесспорный факт. Но как эффективно определять эти пути развития? Послеоктябрьская

ситуация 20-х годов – трудная и сложная. Сам Ленин пишет о том, что многие старые теоретические концепции не работают и что «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». А что же именно нужно «переменить» и как «переменить»? Как определить в новых условиях перспективу развития? Тут, естественно, необходима напряженная работа всех теоретических сил. В ходе этой работы, в ходе поиска эффективных решений неизбежно появление разных предложений, разных концепций. Неизбежны и дискуссии вокруг этих предложений и концепций. А как же иначе?

И вот именно в этот период, в этой ситуации «поиска» X съезд принимает решение «О единстве партии». Речь там идет о запрете фракций, ибо фракции подрывают-де единство и сплоченность партии. На самом же деле это решение подрывало жизнеспособность партии. Во-первых, «фракциями» можно было объявить (что постоянно впоследствии, при Сталине, и случалось) любую коллективную поддержку предложений, противоречащих «официальной точке зрения» цеховского, направляемого Сталиным, большинства. А во-вторых (и это главное), в тех условиях «запрет фракций» был на деле запретом на инакомыслие, на выдвижение и обоснование альтернативных точек зрения.

Заботились о «единстве». Но возникает вопрос: как и на чем это «единство» будет основано? На какой стратегии, на какой программе? Как вырабатывается стратегия, призванная обеспечить «единство»?

Реально это выглядело так. Узкий круг вождей (а, по сути, Ленин, когда он был во главе партии) разрабатывает эту стратегию и предлагает ее партии. Ну, и что дальше? Поскольку дискуссии, другие точки зрения запрещены (как ведущие к созданию «фракций»), то идеи приходящей сверху стратегии принимаются без особого обсуждения. Кто посмеет оспаривать предложения вождей, того (как «фракционера») вышибают из партии.

Нелепейшая ситуация! А что если в предложениях вождей есть ошибки, которые следует исправить? Ведь сам же Ленин криком кричал – при выработке стратегии нэпа: мы наделали массу серьезных *ошибок*. И где же механизм их обнаружения, обсуждения и исправления? X съезд сделал все, чтобы такой механизм не сложился. И Ленин, увы, защищал это решение.

Вот так, еще до прихода к власти сталинской команды, закладывались основы будущей Большой Беды. В стране – «диктатура пролетариата», всю ее политику определяет целиком и полностью единственная в стране партия. Это означает (как признавали сами партийные вожди) «диктатуру партии». «Диктатура партии» (поскольку в ней многоголосие, инакомыслие запрещены) превращается в «диктатуру политбюро», та – в диктатуру группы доминирующих в ней вождей, группа выдвигает главного своего лидера – рождается режим единоличной диктатуры. Так формируется печальной памяти цепочка: диктатура пролетариата – диктатура партии – диктатура политбюро – диктатура господствующей в политбюро группы вождей – единоличная диктатура Вождя (пресловутый культ личности!).

Справедливости ради следует заметить, что решение X съезда о «Единстве» содержало некоторые оговорки и дополнения: возможность в непосредственном преддверии съездов проводить в узком партийном кругу нечто вроде «обсуждений» и «дискуссий», издавая некие дискуссионные листки. Да, и лидерство Ленина существенно отличалось от будущего сталинского культа. Ленин в большинстве случаев стремился и умел действовать убеждением, а не репрессиями. Он, критикуя ошибочные, по его мнению, позиции товарищей, постоянно подчеркивал значимость и заслуги критикуемых. Это была *товарищеская критика*.

Так, на XI съезде РКП(б) Ленин в «Заключительном слове по политическому отчету ЦК РКП(б)» в пух и прах раскритиковал позиции Ларина, Осинского и Преображенского. И тут же, сразу после разносной критики, замечает о Ларине: «В его преданности и знании дела и тени нет ни у кого сомнения»; «он человек очень способный и обладает большой

фантазией»; «эта способность чрезвычайно ценна» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 125]. Об Осинском: «У Осинского сильная его сторона – с энергией и нажимом наступать на то дело, за которое он берется. Надо сделать так, чтобы эта сильная сторона была так обставлена, чтобы его слабая сторона была урезана... Я думаю, что мы в ЦК приняли меры, чтобы сочетать его слабые стороны с сильными». [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 123]. О Преображенском: «Он подходит ко всему с тем, что составляет его сильную сторону: он теоретик, устремленный на определенные рамки, привычные и обычные, пропагандист, который занят разными мерами, направленными к тому, чтобы пропагандировать. Все знают и ценят эту сильную сторону...» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 121].

При Сталине – другой подход. Иное мнение? Нарушаешь «единство»? – Исключение из политбюро, из ЦК, из партии, далее (нередко) – тюрьма, лагерь – расстрел.

В общем, резолюция X съезда производит тяжелое впечатление. И все же она содержала лишь *возможность* сталинизма, но не его *неизбежность*. Не исключено, проживи Ленин подольше, продолжи руководить партией, резолюция съезда была бы им смягчена, а потом и вовсе пересмотрена. Основанием для такого предположения может служить ленинская концепция нэпа, знаменовавшая отказ от экономической *диктатуры* и переход к экономической *демократии*.

Но как бы там ни было, резолюция эта была большой и несомненной ошибкой, закончившейся Большой Бедой – установившимся в 30-е годы диктаторским режимом.

Резолюция X съезда «О единстве партии» была той «мертвой водой», от которой современная социально-преобразовательная теория должна решительно оградить себя. Подобные резолюции не могут иметь место в программатике современного демократического социализма. Ни под каким видом!

И, в заключение, – дополнение, диктуемое спецификой современного социального развития мира и России (как его составной части).

В чем суть этой «специфики», внесения каких дополнений в современную социально-преобразовательную теорию она требует?

Сегодня, в XXI в., человечество вступает в принципиально Новую Социальную Реальность. Оно – у черты перехода: от прежних форм социальной жизни к ее новым формам, от прежних форм мышления и идеологических парадигм к новым. Это переход: от истории **локального** развития стран и цивилизаций к их сложно-противоречивому взаимодействию в рамках **глобализации**; от ситуации миро-человеческого **бессмертия** к ситуации, когда человечество (после создания ядерного оружия) стало **смертным** (т.е. способным уничтожить самое себя); от «**узко-социального**» мышления к «**ноосферному**»; от **антагонизма** либеральной и социалистической идеологий к их сближению и **конвергенции**; от понимания прогресса как «развития материальных, производительных сил» человечества к пониманию прогресса как процесса снятия «отчуждения», как процесса «**очеловечивания**» мира и человека, как процесса освоения («присвоения») **каждым** индивидом всего богатства человеческой сущности. Речь, по сути, идет о рождении принципиально нового Субъекта мировой истории и о возникновении Нового Мира, в котором этому Субъекту предстоит действовать. Действовать, естественно, по-новому, формулируя Новые Цели и Новые Идеалы, определяя Новые Средства их достижения. И в силу этого на место прежних мировоззренческих установок должно придти Новое Мировоззрение, основной императив которого мы сформулировали бы так: «Очеловечивание Человека и Среды его обитания» – мировоззрение, отвечающее на вызовы социальной реальности XXI в. и провозглашающее в качестве главной задачи «Очеловечивание», должно быть по праву названо **Новым Гуманизмом** или **Неогуманизмом**.

«Бессмертный» ранее Человек мог, не терзаясь особенно сомнениями, произносить: «революции – праздник угнетенных», «насилие – повивальная бабка истории», «пусть господствующие классы содрогнутся перед Коммунистической революцией». Нынешний,

«смертный», Человек остережется, без ограничительных добавлений, бросать подобные лозунги, ибо «революционный праздник» может обернуться общечеловеческим пепелищем, а от иных «революций» могут «содрогнуться» не только «господствующие классы», но все человечество. «Революции» как процесс коренных социальных преобразований не уйдут в прошлое, но формы и характер их должны будут обрести более гуманные, более мирные формы.

И классовые интересы сохранятся, но борьба за их реализацию будет совмещаться с задачей учета общечеловеческих, общемировых интересов и ценностей, подчинена им.

И «национальные интересы» стран и народов не исчезают, но они должны быть соподчинены с глобальными, общечеловеческими интересами.

И прежние идеологии (в первую очередь наиболее значимые среди них – социализм и либерализм), не отбрасываются, не перечеркиваются, поскольку в них сохраняется некое живое содержание, целый ряд интенций, сыгравших серьезную позитивную роль в истории человечества и способных еще сыграть в будущем. Но они должны быть существенно преобразованы с учетом вызовов современного глобального развития и в преобразованном виде включены в корпус идей Новой Идеологии – идеологии Неогуманизма, этой мировоззренческой парадигмы XXI в.

А ее идеологический, социально-политический эквивалент, сочетающий демократически-социалистические ценности и императивы гуманизма может быть назван (употребим знаменитую формулу Маркса) **Реальным Гуманизмом**.

Итоговая формула современной социально-преобразовательной теории, **Реального Гуманизма**, стало быть, будет выглядеть так:

Общественная собственность + частная

Социализм + капитализм (исключая олигархат)

План + рынок

Национальная экономика + зарубежные Концессии

+ Кооперация

+ Широкая политическая Демократия

(НЭП + НПП)

+ Сопряжение политики и морали

+ Принципы неогуманизма (с приоритетом глобальных, общечеловеческих интересов).

«Реальный гуманизм» – это и есть современный социализм, устремленный в Будущее!

* * *

А закончить этот сложный разговор о ленинском наследии я хотел бы цитатой из блистательной «Рукописи о русской революции» Розы Люксембург. В ней автор выступает с откровенной, острой (а порой просто резкой) критикой недемократических аспектов стратегии возглавляемых Лениным большевиков. Но вот финал: «Нельзя требовать от Ленина и его товарищей сверхчеловеческого, ожидать еще и того, чтобы они при таких обстоятельствах оказались бы способны сотворить чудо, создав самую прекрасную демократию, самую образцовую диктатуру пролетариата и процветающую социалистическую экономику. Своим решительным революционным поведением, своей образцовой энергией и своей нерушимой верностью интернациональному социализму они, право же, сделали достаточно из того, что было возможно сделать в столь дьявольски трудных условиях... Большевики показали, что они могут сделать все, что может сделать истинно революционная партия в границах исторических возможностей... Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного... В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были *первыми*, кто пошел

впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще *единственные*, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттенем: “Я отважился!” Вот что самое существенное и *непреходящее* в политике большевиков. В *этом* смысле им принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И *в этом смысле* будущее повсюду принадлежит “большевизму» [Люксембург, 1991. С. 332–333].

Подписываюсь под каждым словом! С одним добавлением: «большевизму», освобожденному от «мертвой воды» и дополненному идеями, отражающими современную реальность. И тогда традиционный «большевизм» превратится в теорию современного демократического социализма. Или шире – в современную социально-преобразовательную теорию, которая может быть названа теорией «Реального гуманизма».

ЛИТЕРАТУРА

- Буртин Ю. (1999). Другой социализм // Альманах «Красные холмы». М. С. 411–511.
- Геллер М., Некрич А. (1995). Утопия у власти. М.: Изд-во МИК.
- Десятый съезд РКП(б) (1963). Стенографический отчет. М.: Политиздат.
- XIII съезд РКП(б) (1963). Стенографический отчет. М.: Политиздат.
- Ленин В.И. (1967–1975). О продовольственном налоге / В.И. Ленин. // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 43. М.: Политиздат. С. 205–245.
- Ленин В.И. (1967–1975). К четырехлетней годовщине Октябрьской революции / В.И. Ленин. // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат. С. 144–152.
- Ленин В.И. (1967–1975). Новая экономическая политика и задачи политпросветов/ В.И. Ленин. // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат. С. 155–175.
- Ленин В.И. (1967–1975). Доклад о новой экономической политике / В.И. Ленин. // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат. С. 193–213.
- Ленин В.И. (1967–1975). XI съезд РКП(б). Политический отчет центрального комитета РКП(б) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат. С. 69–116.
- Ленин В.И. (1967–1975). XI съезд РКП(б). Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат. С. 117–130.
- Ленин В.И. (1967–1975). Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. / В.И. Ленин. // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат. С. 300–309.
- Ленин В.И. (1967–1975). О кооперации// В.И. Ленин // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат. С. 369–377.
- Ленин В.И. (1967–1975) Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 54. М.: Политиздат.
- Люксембург Р. (1991). Рукопись о русской революции / Р. Люксембург // О социализме и русской революции. М.: Политиздат. С. 306–332.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения, 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения, 2-е изд. Т. 2. М.: Политиздат.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения, 2-е изд. Т. 4. М.: Политиздат.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1960) Сочинения, 2-е изд. Т. 16. М.: Политиздат.

Водолазов Григорий Григорьевич

gvodolazov@yandex.ru

Georgiy Vodolazov

doctor habilitatus in philosophy, professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University of the Foreign relations ministry of Russian Federation), Moscow.

gvodolazov@yandex.ru

**LENIN'S HERITAGE: WATER LIVING AND DEAD
(PART II. «DEAD WATER» OF THE NEP ERA)**

Abstract. Summing up the lessons of the October Revolution and the first years of the post-October development, Lenin stated: "We have to admit a fundamental change in our whole point of view on socialism." This way the question was raised about the need to create a theory of renewed socialism that meets the conditions of the 20th century. The theory that would solve the problem: how, leading society out of the deadlocks of capitalism, does not plunge it into other dead ends - the dead ends of an authoritarian-bureaucratic system. In this context the article analyses the contribution made by Lenin to the theory of renewed socialism (about it - in the first part of the article that was published in the previous issue of the journal)/ The following question is posed: what of Lenin's legacy can be included in modern socialist theory, what is discarded and how can it be supplemented, based on the realities of the 21st century (about it - in the second part of the article published in this issue of the journal).

Keywords: *The October Revolution, military communism, NEP, socialism, pluralism.*

JEL Classification: B14 , B24.

REFERENCES

- Burtin Ju.* (1999). Drugoi sozializm [A different socialism]. Almanah "Krasnii holmi". M.
- Desjatii sjesd RKP (b)* (1963). Stenograficheskiy otchet [Verbatim record]. M.: Politisdat.
- Geller M., Nekrich A.* (1995). Utopija u vlasti [Utopia in power]. M.: Isd-vo MIK.
- Lenin V.I.* (1967–1975). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. T. 54. M.: Politisdat.
- Lenin V.I.* (1967–1975). Doklad o novoi ekonomicheskoi politike [Report on the new economic policy] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. Politisdat. Pp. 193–213.
- Lenin V.I.* (1967–1975). Novaja ekonomicheskaja politika i zadachi politprosvetov [The New economic policy and the tasks of political education workers] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. T. 44. M.: Politisdat. Pp. 155–175.
- Lenin V.I.* (1967–1975). K chetirehletnei godovtchine Oktjabskoi revolucii [To the four-year anniversary of the October revolution] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. T. 44. M.: Politisdat. Pp. 144–152.
- Lenin V.I.* (1967–1975). O kooperacii [On cooperation] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. M.: Politisdat. Pp. 193–213.
- Lenin V.I.* (1967–1975). O prodovolstvennom naloge [On the food tax]. / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. T. 43. M.: Politisdat. Pp. 205–245.
- Lenin V.I.* (1967–1975). Rech na plenum Moskovskogo Soveta 20 nojabrja 1922 g. [Speech at the Plenum of the Moscow Council on November 20, 1922] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. M.: Politisdat. Pp. 300–309.
- Lenin V.I.* (1967–1975). XI sjesd RKP (b). Politicheskii otchet CK RKP (b) [Political report of the Central Committee of the RCP] // V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. M.: Politisdat. Pp. 69–116.
- Lenin V.I.* (1967–1975). XI sjesd RKP (b). Sakluchitelnoe slovo [Final word on the political report of the Central Committee of the RCP (b)] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. M.: Politisdat. Pp. 117–130.
- Luxemburg R.* (1991). Rukopis o russkoi revoluzii [The manuscript of the Russian revolution] / R. Luxemburg // O sozialisme i russkoi revoluzii. M.: Politisdat. Pp. 306–332.
- Marx K. i Engels F.* (1955). Sochinenija [Works]. T. 1. M.: Politisdat.
- Marx K. i Engels F.* (1955). Sochinenija [Works]. T. 16. M.: Politisdat.
- Marx K. i Engels F.* (1955). Sochinenija [Works]. T. 2. M.: Politisdat.
- Marx K. i Engels F.* (1955). Sochinenija [Works]. T. 4. M.: Politisdat.
- XIII sjesd RKP (1963). Stenograficheskiy otchet [Verbatim record]. M.: Politisdat.